

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-2-118-128>

Права происхождения и авторские права в цифровых платформах: международный взгляд

С. В. Изутина

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: izutina.sv@rea.ru

В. С. Комбарова

помощник адвоката Коллегии адвокатов «Московский юридический центр».
Адрес: Коллегия адвокатов «Московский юридический центр»,
105120, Москва, Малый Полужаровский пер., д. 3/5, стр. 1.
E-mail: kombarova05@mail.ru

Rights of Origin and Copyrights in Digital Platforms: an International Perspective

S. V. Izutina

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: izutina.sv@rea.ru

V. S. Kombarova

Assistant Attorney, Collegium of advocates «Moscow Law Center».
Address: Collegium of advocates «Moscow Law Center»,
Build.1, 3/5 Maly Poluyarovsky Lane, Moscow, 105120, Russian Federation.
E-mail: kombarova05@mail.ru

Поступила 15.03.2026 Принята к печати 30.03.2026

Аннотация

Данная статья посвящена комплексному анализу прав происхождения в системе авторского права в цифровых платформах. Методологическую основу составляют комплексный догматический анализ норм международных договоров и метод правового моделирования новых регуляторных механизмов защиты. Научная новизна заключается в подробном теоретическом обосновании концепции «авторизованная прослеживаемая идентификация происхождения» на базе распределенных блокчейн-технологий. Авторы констатируют системный кризис традиционных охранительных механизмов перед лицом глобальных цифровых вызовов современности. Выявлены ключевые проблемы правоприменения: юридическая неопределенность статуса цифровых платформ, существенный разрыв в стоимости контента и низкая эффективность процедур уведомления и удаления. Особое внимание уделено трансформации моральных прав в метаданные и современным техническим средствам правовой защиты. В качестве ключевого решения предлагается внедрение обязательного уникального цифрового идентификатора каждого произведения. Реализация данных мер направлена на создание унифицированной глобальной системы регистрации, обеспечение полной прозрачности оборота и гарантирование справедливого вознаграждения всех авторов. Внедрение предложенных системных изменений в ключевые международные акты позволит эффективно преодолеть текущую правовую неопределенность и заложить надежную основу устойчивого развития интеллектуальной собственности при условии сбалансированности частных интересов творцов и коммерческих интересов посредников.

Keywords: авторское право, права происхождения, цифровые платформы, международное право, Бернская конвенция, ВОИС, ТРИПС, информационный посредник, ответственность, блокчейн, идентификация, моральные права, технические средства защиты, метаданные, интеллектуальная собственность.

Abstract

This article is devoted to a comprehensive analysis of the rights of origin in the copyright system in digital platforms. The methodological basis consists of a comprehensive dogmatic analysis of the norms of international treaties and a method of legal modeling of new regulatory protection mechanisms. The scientific novelty lies in the detailed theoretical substantiation of the concept of "authorized traceable identification of origin" based on distributed blockchain technologies. The authors state the systemic crisis of traditional protective mechanisms in the face of global digital challenges of our time. The key problems of law enforcement have been identified: the legal uncertainty of the status of digital platforms, a significant gap in the cost of content, and the low efficiency of notification and deletion procedures. Special attention is paid to the transformation of moral rights into metadata and modern technical means of legal protection. The introduction of a mandatory unique digital identifier for each work is proposed as a key solution. The implementation of these measures is aimed at creating a unified global registration system, ensuring full transparency of turnover and ensuring fair remuneration for all authors. The implementation of the proposed systemic changes in key international acts will effectively overcome the current legal uncertainty and lay a solid foundation for the sustainable development of intellectual property, balancing the private interests of creators and the commercial interests of intermediaries.

Keywords: copyright, rights of origin, digital platforms, international law, Berne Convention, WIPO, TRIPS, information intermediary, liability, blockchain, identification, moral rights, technical means of protection, metadata, intellectual property.

В мире произошла глобальная цифровая трансформация, которая поставила традиционные системы охраны интеллектуальной собственности перед новыми вызовами. Глобальные цифровые платформы стирают границы распространения произведений, при этом правовые режимы остаются привязанными к национальному законодательству. В эпоху цифровой трансформации, когда глобальная сеть Интернет стала основным каналом распространения информации, культурного контента и продуктов интеллектуального труда, вопросы защиты авторских прав приобрели качественно новое измерение. Сформировавшиеся в аналоговую эру правовые механизмы столкнулись с вызовами, обусловленными мгновенной репликацией цифровых произведений, их трансграничным характером, децентрализованным хранением и анонимностью участников обмена информацией. Центральное место в этом процессе занимают цифровые платформы, которые, с одной стороны, выступают катализаторами творческой деятельности и обеспечивают беспрецедентный доступ к произведениям, а с другой – порождают новые формы нарушений и усложняют правоприменительную практику.

В связи с этим необходимо обозначить ключевые проблемы правоприменения: юридическую неопределенность статуса цифровых платформ, существенный разрыв в стоимости контента и низкую эффективность процедур уведомления

и удаления. Выявление данных препятствий позволит логично перейти к поиску системных решений.

Исследование концепции прав происхождения в рамках системы авторского права требует детального разбора связи между результатом интеллектуальной деятельности и его создателем. В юридической доктрине под происхождением произведения понимается не только физический акт творения, но и сложный комплекс правовых связей, определяющих применимое право, субъектный состав и объем предоставляемой охраны. Место этих прав в системе интеллектуальной собственности является центральным, так как именно момент и обстоятельства происхождения объекта детерминируют всю последующую жизнь исключительного права. В этой связи представляется целесообразным проанализировать данную категорию через призму международного и национального регулирования с учетом современных цифровых трансформаций.

Первоочередное значение в понимании прав происхождения имеет личная неимущественная связь автора с его произведением. Право авторства как фундаментальное право происхождения закреплено в большинстве национальных правовых систем и международных актов. Согласно статье 1265 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.)), право авторства – это право признаваться автором произведения. Оно неотчуждаемо и непередаваемо, что

подчеркивает его онтологическую природу: право возникает из самого факта создания объекта. В международном контексте эта норма коррелирует со статьей 6-bis Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28. Сентября 1979 г.) (далее – Бернская конвенция), которая устанавливает, что независимо от имущественных прав автор имеет право требовать признания своего авторства [10. – С. 1050]. Из этого следует, что права происхождения служат первичным фактором для всех остальных прерогатив правообладателя.

Однако понятие происхождения в авторском праве имеет и технико-юридическое измерение, связанное с категорией «страна происхождения». Данный институт является ключевым для определения уровня международной охраны. В соответствии со статьей 5 Бернской конвенции, критерии определения страны происхождения варьируются в зависимости от того, было ли произведение опубликовано. Для неопубликованных произведений статус страны происхождения предопределяется личным законом автора – его гражданством. Для произведений, официально введенных в оборот, приоритетной коллизионной привязкой выступает географическое место их первичной репрезентации. В случаях кумулятивной и синхронной публикации в различных юрисдикциях, характеризующихся расхождением в длительности предоставляемых преференций, положение пункта 4 статьи 5 Бернской конвенции императивно указывает на необходимость идентификации в качестве государства происхождения той страны, национальное законодательство которой предусматривает минимальный временной интервал действия правовой охраны. Вследствие этого устанавливается «правило сравнения сроков», которое позволяет государствам ограничивать охрану иностранных произведений сроком, действующим в их стране происхождения.

Место прав происхождения в системе авторского права также определяется через презумпцию авторства. Статья 1257 ГК РФ гласит, что лицом, указанным в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения, считается его автор, если не доказано иное. Данная презумпция направлена на упрощение гражданского оборота и защиту прав лиц, чье имя зафиксировано в момент происхождения объекта. В международной практике аналогичные положения содержатся в статье 15 Бернской конвенции. Это позволяет автору защищать свои интересы в судах других

стран без необходимости предоставления сложных доказательств самого акта творчества, основываясь лишь на факте фиксации происхождения имени на экземпляре. Как следствие, права происхождения обеспечивают стабильность правоприменительной практики и минимизируют риски оспаривания авторства при трансграничном использовании произведений.

Рассматривая права происхождения, невозможно игнорировать их роль в определении субъекта первоначального права. В отличие от производных правообладателей (наследников, лицензиатов), автор обладает правами в силу самого факта «генезиса» произведения. В системе «droit d'auteur», характерной для стран континентальной Европы, акцент делается на личности творцов, тогда как в системе «copyright» (англо-американская традиция) допускается возможность того, что первоначальным правообладателем может выступать юридическое лицо, например, работодатель [10. – С. 1250]. Это позволяет рассматривать права происхождения как универсальный мост между философским пониманием творчества и юридическим механизмом присвоения результатов труда.

Особую актуальность права происхождения приобретают в условиях цифровой среды. Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) по авторскому праву от 20 декабря 1996 г. в статье 12 обязывает государства обеспечивать защиту информации об управлении правами. Под такой информацией понимаются данные, которые идентифицируют произведение, автора или правообладателя. В итоге права происхождения в цифровую эпоху трансформируются из абстрактной юридической связи в конкретные метаданные, сопровождающие файл. Нарушение целостности таких данных рассматривается как посягательство на саму основу авторского права – право признаваться истинником произведения.

Кроме того, права происхождения тесно связаны с правом на имя и правом на неприкосновенность произведения. Статья 6-bis Бернской конвенции подчеркивает, что автор имеет право возражать против любого извращения или искажения его труда. Данная норма защищает именно «чистоту происхождения» произведения, предотвращая отрыв объекта от творческого замысла создателя. Вследствие этого гарантом аутентичности культурных ценностей в обществе выступают права происхождения. Без закрепления этих прав

в системе авторского права любое произведение могло бы быть обезличено и использовано в целях, прямо противоположных интенциям автора. Это позволяет утверждать, что права происхождения выполняют не только юридическую, но и важную социально-культурную функцию, обеспечивая сохранение связи между поколениями творцов и потребителей.

Фундаментальное значение для понимания современных стандартов охраны интеллектуальной собственности имеет международно-правовая база авторского права, представляющая собой иерархическую систему многосторонних договоров, направленных на гармонизацию национальных законодательств. Развитие этой базы происходило в ответ на потребность в трансграничной защите произведений в условиях расширения культурного и технического обмена. В центре данной системы находится Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г., которая в редакции Парижского акта 1971 г. остается основным инструментом международного регулирования.

Статья 2 Бернской конвенции дает широкое определение защищаемых объектов, охватывая все произведения в области литературы, науки и искусства [10. – С. 1051]. Важнейшим достижением этого акта является закрепление трех основополагающих принципов:

- во-первых, согласно принципу национального режима, страны-участницы обязаны обеспечивать зарубежным авторам точно такие же меры правовой поддержки, которые они гарантируют своим собственным гражданам (п. 1 ст. 5);
- во-вторых, пункт 2 статьи 5 вводит принцип автоматической охраны, означающий, что правовая защита возникает сама по себе без официальной регистрации, подачи заявок или проставления специальных знаков;
- в-третьих, принцип независимой защиты подчеркивает, что юридический статус произведения в одной стране не привязан к его положению на родине (исключения составляют лишь редкие вопросы, касающиеся конкретных сроков действия предоставленных авторских прав).

Особое место в международном праве занимает Всемирная конвенция об авторском праве 1952 г. (заключена в г. Женеве 06 сентября 1952 г.) (далее – Женевская конвенция). Данный акт создавался как компромиссный в отношении правовых традиций, в частности, государств, требовавших соблюдения формальностей для воз-

никновения прав. Статья III Женевской конвенции ввела правило, согласно которому требования национальной системы о регистрации считаются выполненными, если на всех экземплярах произведения проставлен символ «©» с указанием имени правообладателя и года первого выпуска. Это обусловило широкое распространение знака охраны авторского права в мировой практике. В результате этого удалось создать мост между Бернской системой и правовыми режимами, требовавшими административного подтверждения авторства.

Вследствие интеграции интеллектуальной собственности в систему международной торговли 15 апреля 1994 г. было принято Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС), являющееся приложением к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации (далее – ВТО) (принятому 15 апреля 1994 г.). Статья 9 Соглашения ТРИПС обязывает всех членов ВТО соблюдать положения статей 1–21 Бернской конвенции, за исключением статьи 6bis, касающейся личных неимущественных прав. В результате этого материально-правовые стандарты авторского права стали подкрепляться мощным механизмом разрешения межгосударственных торговых споров. Кроме того, статья 10 Соглашения ТРИПС расширила круг охраняемых объектов. Это позволило адаптировать классическое авторское право к нуждам технологического сектора.

Дальнейшая эволюция международно-правовой базы связана с «интернет-договорами» ВОИС 1996 г., принятыми для решения проблем цифровой эпохи. Договор ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 г. в статье 8 закрепил право на доведение до всеобщего сведения, что стало ответом на распространение произведений в сетях по запросу пользователя. Крайне важными являются положения статей 11 и 12 этого Договора, обязывающие государства обеспечивать адекватную правовую защиту технических средств защиты (DRM) и информации об управлении правами [8. – С. 1908]. В результате этого юридическая ответственность стала наступать не только за само нарушение авторских прав, но и за обход программных или аппаратных «замков», препятствующих несанкционированному доступу к контенту.

Неотъемлемой частью системы являются также акты, направленные на сохранение баланса между интересами авторов и общественными по-

требностями. Марракешский договор 2013 г. об облегчении доступа слепых и лиц с нарушением зрения к опубликованным произведениям устанавливает обязательные ограничения и исключения из авторского права. Данный договор позволяет производить и распространять экземпляры произведений в доступных форматах без согласия правообладателя, что подчеркивает гуманитарную направленность международного регулирования.

Взаимодействие указанных актов формирует так называемый режим «Берн-плюс», где каждый последующий договор дополняет и детализирует базовые нормы Бернской конвенции. Это обуславливает существование стабильной правовой среды, в которой авторы могут рассчитывать на защиту своих творческих усилий независимо от государственных границ. Многоуровневая международная база позволяет сочетать жесткие стандарты охраны с гибкими механизмами адаптации к технологическим вызовам. В результате международное авторское право выступает как динамично развивающийся комплекс норм, который не только защищает частные интересы, но и способствует глобальному культурному прогрессу, создавая правовые условия для функционирования информационного общества.

Концепция прав автора, зародившаяся в недрах континентальной правовой системы, базируется на неразрывной связи между творческой личностью и результатом ее интеллектуального труда. Права происхождения в этом контексте выступают в качестве первичного звена, фиксирующего духовное отцовство создателя над произведением. В доктрине авторского права под моральными правами понимаются личные неимущественные права, которые защищают интеллектуальные и личностные интересы автора. Статья 6-bis Бернской конвенции закрепляет право на признание источника происхождения объекта как неотчуждаемую юридическую прерогативу физического лица.

Права происхождения как элемент моральных прав включают в себя следующие правомочия: право авторства, право на имя и право на неприкосновенность произведения в контексте сохранения авторской репутации. Право авторства в узком смысле представляет собой юридически обеспеченную возможность признаваться творцом конкретного результата. В российском законодательстве это закреплено в статье 1265 ГК РФ, которая определяет право авторства как право признаваться автором произведения. Это право возника-

ет в момент создания объекта и не требует регистрации. Вследствие этого оно является абсолютным и действует бессрочно, охраняя память об авторе даже после его смерти.

Право на имя является вторым важнейшим компонентом прав происхождения. Оно дает автору возможность использовать или разрешать использование произведения под своим именем, под псевдонимом или анонимно [13. – Р. 146]. Статья 1265 ГК РФ четко разграничивает право авторства (факт создания) и право на имя (способ указания авторства). В международной практике право на имя защищает автора от несанкционированного раскрытия его личности или, наоборот, от принудительного обезличивания труда. В результате данные правомочия обеспечивают идентификацию интеллектуального продукта с его источником, что критически важно для формирования репутации и авторитета творца в профессиональной среде.

Специфика прав происхождения как моральных прав заключается в их неотчуждаемости. В отличие от исключительных прав, которые могут быть переданы по договору или переходить по наследству, права происхождения остаются связанными с личностью автора [4. – С. 103]. Статья 6-bis Бернской конвенции показывает, что эти права сохраняются за автором даже после перехода имущественных прав к другим лицам. Это позволяет автору препятствовать любым действиям, которые могут нанести вред его чести и достоинству. Вследствие этого право на неприкосновенность произведения (статья 1266 ГК РФ) также рассматривается как элемент защиты происхождения, поскольку любое искажение первоначального замысла разрывает аутентичную связь между автором и его творением.

В системе международного права место моральных прав происхождения является дискуссионным. Соглашение ТРИПС в пункте 1 статьи 9 прямо исключает обязательства государств-членов в отношении прав, предоставляемых статьей 6-bis Бернской конвенции, или прав, производных от нее. Это обусловлено коммерческой направленностью соглашения ТРИПС и стремлением стран англо-американской правовой семьи минимизировать влияние личных прав на рыночный оборот. Однако это не означает отсутствия защиты. Договор ВОИС по авторскому праву 1996 г. в своей преамбуле подчеркивает необходимость соблюдения моральных прав в цифровой среде. В результате права происхождения про-

должают играть роль «морального вето», ограничивая произвол правообладателей, не являющихся авторами.

Реализация прав происхождения как элемента моральных прав в цифровую эпоху сталкивается с вызовами анонимности и легкости копирования. Статья 12 Договора ВОИС по авторскому праву обязывает государства обеспечивать юридическую защиту информации об управлении правами, которая включает данные об авторе. Это позволяет поддерживать достоверность сведений о происхождении произведения в глобальных сетях. Вследствие этого технические средства защиты и цифровые водяные знаки становятся современными инструментами реализации права на имя.

В теории права происхождения как часть морального статуса автора выполняют две функции: идентификационную (кто является создателем) и охранительную (защита личности). Это позволяет рассматривать их не только как частный интерес автора, но и как общественное благо, обеспечивающее достоверность информации в культуре. Итогом признания прав происхождения является стабильность системы авторского права, где каждый объект имеет легально закрепленный источник.

Правовая природа цифровых платформ в системе современного авторского права характеризуется их сложным дуалистическим статусом, сочетающим функции технического посредника и активного субъекта рынка интеллектуальной собственности. На данный момент отсутствует комплексное определение понятия «цифровая платформа». Среди существующих подходов можно выделить следующие:

- цифровая платформа как комплексная аппаратная и программная среда описывается как интегрированная среда, состоящая из аппаратных компонентов (серверы, компьютеры, периферийные устройства), операционных систем, программного обеспечения и совместимых устройств, которые обеспечивают бесперебойную работу всей системы;

- цифровая платформа как инструмент взаимодействия и обмена выступает в качестве инструмента для взаимодействия пользователей, обмена информацией, культурными ценностями, материальными ресурсами и финансовыми активами [3. – С. 68].

В российском законодательстве правовой режим таких субъектов регламентирован статьей 1253.1 ГК РФ, которая вводит специальную категорию «информационного посредника». Согласно

данной статье, информационным посредником признается лицо, осуществляющее передачу материала в сети, предоставляющее возможность доступа к нему или размещающее материал по поручению другого лица [6. – С. 153].

Правовая природа платформы во многом определяется критериями ее ответственности за действия конечных пользователей. Статья 1253.1 ГК РФ устанавливает условия освобождения информационного посредника от ответственности, если он не являлся инициатором передачи, не изменял материал в процессе передачи и не знал о неправомерности использования результата интеллектуальной деятельности. В международной практике это коррелирует с режимом «безопасной гавани» (safe harbor), первоначально заложенным в принятой 8 июня 2000 г. Директиве Европейского союза 2000/31/ЕС «О некоторых правовых аспектах услуг информационного общества, в частности электронной коммерции, на внутреннем рынке» (статья 14) и принятом 12 октября 1998 г. Законе США об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA) [5. – С. 52]. Однако технологическое развитие и концентрация рыночной власти привели к существенному пересмотру этого режима в сторону повышения ответственности платформ.

Ключевым этапом трансформации правового статуса цифровых площадок стало принятие Директивы Европейского союза 2019/790 «Об авторском праве и смежных правах на Едином цифровом рынке» (принята 17 апреля 2019 г.). Статья 17 данной Директивы радикально пересматривает роль «поставщиков услуг по обмену онлайн-контентом» (OCSSPs). Согласно этому акту, платформы, которые хранят и предоставляют публичный доступ к большому количеству загруженных пользователями произведений, осуществляют акт «сообщения для всеобщего сведения» или «доведения до всеобщего сведения» [8. – С. 1909]. Вследствие этого такие субъекты несут прямую ответственность за получение разрешений (лицензий) от правообладателей на транслируемый контент. В ситуации, когда лицензия не получена, платформа обязана доказать, что она приложила все усилия для получения разрешения и оперативно удалила незаконный контент после получения уведомления. В итоге происходит переход от пассивного хостинга к модели активного управления правами.

Роль цифровых платформ в распространении авторских произведений не ограничивается техническим предоставлением дискового простран-

ства. Они внедряют сложные алгоритмические системы идентификации контента, такие как технология «Content ID». Данные системы позволяют в автоматическом режиме сопоставлять загружаемые пользователями файлы с цифровыми отпечатками оригинальных произведений, содержащимися в базах данных правообладателей [14. – Р. 38]. Вследствие этого платформы фактически принимают на себя функции превентивного контроля и досудебного урегулирования споров. Это позволяет значительно снизить издержки авторов на мониторинг нарушений в глобальной сети. При этом возникает правовая коллизия, связанная с риском «сверхблокировки», когда алгоритмы удаляют легальные произведения, пародии или цитирования, предусмотренные статьей 10 Бернской конвенции.

Место цифровых платформ в системе распределения доходов от использования интеллектуальной собственности характеризуется явлением «разрыва в стоимости» (value gap). Данный термин описывает ситуацию, при которой платформы извлекают значительную коммерческую выгоду из привлечения трафика к авторскому контенту, в то время как авторы получают непропорционально низкое вознаграждение [12. – С. 7]. Вследствие этого современные законодательные инициативы направлены на усиление переговорных позиций авторов и повышение прозрачности работы алгоритмов ранжирования. В итоге юридическая природа платформы эволюционирует от «технического канала связи» к статусу «регулятора цифровой среды». Это позволяет квалифицировать платформы как гибридные субъекты, объединяющие в себе признаки издателей, вещателей и библиотек.

В условиях глобального охвата цифровых платформ даже незначительный процент нелегального контента, размещаемого пользователями, может достигать колоссальных объемов. Масштабность проблемы заключается не только в числе нарушений, но и в сложности их систематического выявления и пресечения. Поскольку платформы функционируют в глобальном пространстве, они зачастую находятся вне прямой юрисдикции национальных судов, что создает «зоны правового вакуума». Международные договоры, такие как Бернская конвенция, устанавливают общие принципы, но не предлагают детальных механизмов для решения проблем, возникающих в децентрализованной цифровой среде. В результате автор, обнаружив нарушение, стал-

живается с необходимостью идентифицировать нарушителя, определить его местонахождение и выбрать наиболее подходящую юрисдикцию для подачи иска, что зачастую оказывается нереализуемым.

Другой фундаментальной проблемой является асимметрия ресурсов и переговорных позиций между правообладателями (особенно авторами-индивидуалами или небольшими издательствами) и крупными цифровыми платформами. Платформы обладают значительными финансовыми, технологическими и юридическими ресурсами, тогда как авторы часто действуют в одиночку или через ограниченные коллективные общества. Статья 17 Директивы ЕС 2019/790, которая обязывает платформы прилагать «максимальные усилия» к получению разрешений или предотвращению появления нелегального контента, на практике может приводить к тому, что платформы внедряют агрессивные системы автоматической блокировки (content filtering), которые, хотя и направлены на защиту прав, могут также необоснованно блокировать легальный контент, подпадающий под добросовестное использование (fair use/dealing), что нарушает баланс интересов, предусмотренный статьей 10 Бернской конвенции [2. – С. 135].

Сложности также возникают применительно к авторским правам на производные произведения и контент, создаваемый пользователями (UGC – User-Generated Content). Платформы стимулируют создание и распространение пользовательского контента, который зачастую базируется на уже существующих охраняемых произведениях. Граница между трансформативным использованием (созданием производного произведения) и прямым нарушением авторских прав становится крайне размытой. Правоприменительная практика, например, в США, неоднозначно трактует допустимость использования популярных мелодий или фрагментов фильмов в пользовательских видео, создавая правовую неопределенность для авторов и платформ [11. – С. 74]. Отсутствие четких критериев для разграничения допустимого использования и нарушения затрудняет применение статьи 5(3) Договора ВОИС по авторскому праву, которая касается прав на доведение до всеобщего сведения.

Кроме того, остро стоит вопрос эффективности механизмов уведомления и удаления (notice-and-takedown). Несмотря на законодательное закрепление этих процедур, их практическая реализация

на крупных платформах зачастую оказывается неэффективной. Уведомления могут теряться в потоке информации, платформы могут намеренно затягивать процесс удаления, а нарушители – оперативно перезаливать контент на новые ресурсы. Это подрывает саму идею оперативного пресечения нарушений, позволяя им бесконтрольно тиражироваться. В итоге автору приходится постоянно находиться в состоянии «гонки на опережение», что истощает его ресурсы и снижает мотивацию к творчеству.

Проблема прозрачности алгоритмов ранжирования и монетизации контента также является значительной. Алгоритмы, определяющие видимость контента и распределение доходов от рекламы, зачастую являются «черным ящиком» для авторов. Отсутствие прозрачности в том, как платформы оценивают и монетизируют контент, затрудняет для авторов возможность объективной оценки справедливости получаемого вознаграждения [9. – С. 3]. Это особенно актуально для авторов, чьи произведения становятся основой для вирусного контента, но при этом не получают адекватной компенсации. Данный аспект напрямую затрагивает экономические права авторов, закрепленные в статье 11 Договора ВОИС по авторскому праву.

Наконец, международный характер нарушений ставит проблему исполнения судебных решений. Даже если автору удастся выиграть дело в Национальном суде против нарушителя, находящегося в другой юрисдикции, выполнить такое решение на практике бывает очень сложно. Не все страны имеют соглашения о взаимном признании и исполнении иностранных судебных решений, особенно в отношении интеллектуальной собственности, что создает ситуацию, когда победа в суде не приводит к реальному восстановлению нарушенных прав. Это подрывает эффективность судебной защиты и усиливает ощущение безнаказанности для нарушителей, действующих трансгранично.

В условиях стремительного развития цифровых платформ, обеспечивающих массовое распространение авторских произведений, значительно возрастает роль специализированных инструментов международной и технической защиты прав авторов. Эти механизмы призваны адаптировать традиционные принципы авторского права к вызовам глобальной цифровой среды, где скорость копирования и распространения контента значительно превышает возможности традицион-

ных правовых реакций. Комплексный подход к защите прав включает как технологические средства, так и институты коллективного управления, подкрепленные международными договорами.

Одним из ключевых инструментов являются технические методы защиты (DRM) – цифровое управление правами. Под DRM понимаются технологические меры, предназначенные для контроля доступа к охраняемым авторским правом произведениям и ограничения их несанкционированного использования или копирования. Эти меры могут включать шифрование файлов, систему водяных знаков, аутентификацию пользователя, привязку к определенным устройствам или ограничение количества воспроизведений [7. – С. 165]. Международно-правовой фундамент для защиты DRN заложен в статье 11 Договора ВОИС по авторскому праву 1998 г. Национальные законодательства, например, статья 1299 ГК РФ, также устанавливают запрет на совершение действий, направленных на обход таких технических средств. На цифровых платформах DRM реализуется посредством внедрения протоколов авторизации для доступа к контенту, систем регионального ограничения показа (geo-blocking) и механизмов, препятствующих загрузке протоколов видео или аудио [1. – С. 216]. Использование DRM позволяет правообладателям напрямую управлять условиями потребления своего контента, снижая риски его нелегального распространения и обеспечивая выполнение лицензионных соглашений.

Другим важным элементом технической защиты являются метаданные – данные, описывающие другие данные. В контексте авторского права метаданные представляют собой информацию, внедренную в цифровой файл произведения или ассоциированную с ним, которая идентифицирует автора, правообладателя, само произведение, дату создания, условия использования и другую релевантную правовую информацию.

Коллективное управление правами является институциональным инструментом, эффективно дополняющим технические средства защиты. Под коллективным управлением понимается система, при которой некоммерческие организации, т. е. общества по коллективному управлению правами (далее – ОКУП), действуют от имени большого количества правообладателей, выдавая лицензии на использование произведений, собирая вознаграждение и распределяя его между авторами. В России деятельность ОКУП регулируется главой 71 ГК РФ. В условиях цифровых платформ,

где объем и частота использования произведений достигают астрономических масштабов (например, прослушивание музыки на стриминговых сервисах или использование музыкальных фрагментов в пользовательском контенте), индивидуальное лицензирование становится невозможным. ОКУП заключают так называемые «генеральные лицензии» (blanket licenses) с цифровыми платформами, позволяющими платформам легально использовать широкий репертуар произведений за фиксированную плату или процент от дохода. Это позволяет авторам получать вознаграждение за каждое использование их контента, даже если оно происходит в минимальных объемах, а платформам – обеспечивать легальность своей деятельности. Международные организации, такие как ВОИС, активно способствуют созданию и развитию национальных ОКУП и их международному сотрудничеству.

Исследование текущего состояния защиты авторских прав в цифровой среде выявило глубокие системные проблемы, коренящиеся как в несовершенстве существующих международных и национальных правовых инструментов, так и в стремительном технологическом прогрессе, опережающем законодательную адаптацию. Традиционные подходы, основанные на физической фиксации экземпляра произведения и презумпции авторства, оказываются малоэффективными в условиях глобальных цифровых платформ. Неоспоримой остается необходимость выработки нового концептуального подхода, способного обеспечить надежную защиту прав авторов в XXI в.

Анализ существующих вызовов – от сложности определения юрисдикции и применимого права до проблемы разрыва в стоимости и асимметрии ресурсов между авторами и платформами – свидетельствует о том, что проблема лежит не только в области технического совершенствования DRM или алгоритмов модерации. Она затрагивает самое сердце авторского права – вопрос об идентификации первоначального источника творческой деятельности и последующей цепочки правообладателей. Существующие инструменты, такие как метаданные, зачастую могут быть легко изменены или удалены, а системы автоматической модерации контента, как показала практика, склонны к сверхблокировке легального контента.

В свете этих обстоятельств представляется, что для решения фундаментальных проблем защиты авторских прав в цифровых платформах необходимо перейти от реагирования на послед-

ствия нарушений к превентивному, надежному механизму установления и фиксации прав. Для этого предлагается разработка и внедрение концепции «авторизованная прослеживаемая идентификация происхождения» (далее – АПИП).

Концепция АПИП предполагает создание глобально унифицированной, обязательной для применения на цифровых платформах системы регистрации и верификации происхождения авторских произведений. Данная система должна быть основана на применении децентрализованных технологий, в первую очередь технологии блокчейн, обеспечивающей неизменность, прозрачность и безопасность вносимых данных. В концепцию АПИП входят следующие ключевые элементы.

1) Цифровой идентификатор происхождения: каждое новое авторское произведение, претендующее на охрану в рамках международного авторского права, должно получить уникальный идентификатор, который будет содержать зашифрованную, но верифицируемую информацию, включающую:

- первичный авторский след (точная идентификация физического лица (лиц) – автора (соавторов), включая биометрические или иные уникальные, при этом не нарушающие приватность данные, а также страну происхождения);

- фиксацию точной даты и времени создания произведения, а также, при необходимости, первой публичной демонстрации или публикации;

- децентрализованную, хронологически выстроенную запись обо всех случаях передачи исключительных прав, заключения лицензионных соглашений, создания производных произведений, а также о любых изменениях, модификациях или адаптациях произведения.

2) Децентрализованный реестр АПИП: информация, содержащаяся в идентификаторе, будет записываться в децентрализованный, глобально распределенный реестр (блокчейн-платформу). Это обеспечит неизменность данных, прозрачность и доступность информации по запросу, а также соблюдение соответствующих протоколов безопасности.

3) Интеграция с техническими методами защиты и метаданными: DRM-системы и метаданные должны стать не просто средствами контроля, а интерфейсами для взаимодействия с системой АПИП. При воспроизведении произведения подобная система должна верифицировать идентификатор через блокчейн-реестр, подтверждая легитимность доступа и условия использо-

вания. Метаданные, в свою очередь, будут содержать ссылку на идентификатор, обеспечивая быстрый доступ к информации о происхождении.

Для имплементации конвенции АПИП рекомендуется внесение изменений в следующие ключевые международные акты, формирующие международное авторское право.

1) Целесообразно дополнить Бернскую конвенцию новой статьей, устанавливающей принцип обязательного присвоения идентификатора всем произведениям, впервые созданным или опубликованным после вступления в силу данной поправки. Эта статья должна определить, что идентификатор является основным инструментом идентификации автора и происхождения произведения, и его наличие выступает условием для полного объема охраны, особенно в трансграничных спорах. В целях соблюдения принципа автоматической охраны можно предусмотреть условие, в соответствии с которым отсутствие идентификатора не лишает произведение базовой охраны, но требует от автора предоставления доказательств происхождения в соответствии с национальным законодательством, что будет более сложным процессом.

2) В договор ВОИС по авторскому праву 1996 г. необходимо внести поправки, касающиеся ин-

формации об управлении правами (статья 12 Договора). Следует уточнить, что «электронная информация об управлении правами» должна включать ссылку на идентификатор и быть интегрирована с системой АПИП. Также положения статей 11 (защита DRM) и 14 (меры против удаления или изменения информации об управлении правами) должны быть дополнены требованием о совместимости и интеграции с системой АПИП.

3) Что касается соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, в случаях, когда нарушение затрагивает торговые интересы, в рамках ТРИПС может быть предусмотрена возможность применения мер по принуждению к регистрации идентификатора, тем самым усиливая стимулы для соблюдения нового стандарта.

Ввиду внедрения принципа АПИП правообладатели получают надежный и универсальный инструмент для защиты своих прав, платформы – четкие критерии для выполнения своих обязательств, а общество – гарантию достоверности информации и уважения к творческому труду. Этот шаг позволит преодолеть текущие практические проблемы и заложить основу для справедливого и устойчивого развития авторского права в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Астапенко П. Н. Сравнительный анализ правового регулирования искусственного интеллекта в России, Китае, США и Европейском союзе // Закон и право. – 2025. – № 6. – С. 47–54.
2. Белов И. И. Закон Европейского союза об искусственном интеллекте: вызовы и возможности для управления документацией // Вестник ВНИИДАД. – 2024. – № 6. – С. 96–106.
3. Быков И. А. Публичная политика развития технологий искусственного интеллекта в Европейском союзе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2024. – № 2. – С. 130–144.
4. Васильев Д. П. Формирование международных режимов управления искусственным интеллектом: ключевые тенденции и основные акторы // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 8 (121). – С. 74–88.
5. Ли Я. Особенности нормативно-правового регулирования генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Евросоюзе и Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Том 16. – № 3. – С. 245–267.
6. Овчинников А. И., Селиванова Е. С., Конопий А. С. Правовая политика в сфере регулирования искусственного интеллекта: зарубежный опыт нормирования и выстраивания приоритетов // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 502. – С. 204–213.
7. Пономарёва Д. В., Некотенева М. В. Геномные исследования и искусственный интеллект: проблемы правового регулирования на глобальном и региональном уровне // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 3 (160). – С. 168–179.
8. Ревенко Л. С., Ревенко Н. С. Искусственный интеллект: современные подходы к многостороннему регулированию // Экономика. Налоги. Право. – 2025. – № 5. – С. 165–177.
9. Саяпин С. П. О правовом регулировании генеративного искусственного интеллекта в Китае // Право и политика. – 2025. – № 3. – С. 19–29.

10. Таран К. К. Формирование в ЕС нормативно-правовой базы, регулирующей отношения по использованию искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2023. – № 2 (102). – С. 80–89.
11. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – № 1. – С. 46–73.
12. Шейкин А. Г. Запрещенные действия в области искусственного интеллекта в законодательстве Европейского союза // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 3 (42). – С. 107–112.
13. Abouahmed A., Kandeel M. E., Zakaria A. Personal data protection in the United Arab Emirates and the European Union regulations // Journal of Global Governance and Regulation. – 2024. – Iss. 1. – P. 195–202.
14. Allen J.G., Loo J., Campoverde J.L.L. Governing intelligence: Singapore's evolving AI governance framework // Cambridge Forum on Artificial Intelligence: Law and Governance. – 2025. – Vol. 1. – Iss. e12. – P. 1–20.
15. Al-Maamari A. Between Innovation and Oversight: A Cross-Regional Study of AI Risk Management Frameworks in the EU, U.S., UK, and China. – URL: <https://arxiv.org/pdf/2503.05773>
16. Engel C., Linhardt L., Schubert M. Code is law: how COMPAS affects the way the judiciary handles the risk of recidivism // Artificial Intelligence and Law. – 2025. – Iss. 33. – P. 383–404.
17. Lin X. Protecting AI-Generated Images as Works of Fine Art in China: Magnifying the Legacy of Art to Copyright // Law Technology and Humans. – 2025. – Iss. 7 (1). – P. 107–126.
18. Makukh I., Mikitsel D. Legal Principles of the Artificial Intelligence Development: European and American Experience // Mediaforum Analytics Forecasts Information Management. – 2024. – Iss. 15. – P. 304–319.
19. Rani S., Zeya A. Artificial Intelligence and Inventorship: Redefining Patent Law in the Age of AI // International Journal for Multidisciplinary Research. – 2025. – Vol. 7. – Iss. 3. – P. 1–4.